

Н.И. Петев
Владимир

ГУМАНИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ АКРОТИПОВ: ВОСПИТАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДИВИДА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гуманизм, акротипы, архетипы, секуляризация индивида, некрофильские тенденции, механизация морали, толерантность.

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассмотрены феномены толерантности, гуманизма и индивидуальности («гуманистическая триада») как акротипы современного общества. Выявлено, что позиционирование этих трёх феноменов в современной форме как архетипических конструкций является лишь эфемерной спекуляцией, и они в действительности являются именно акротипами современного социального пространства. Выявлены механические и некрофильские тенденции современных форм толерантности, индивидуализма и гуманизма, которые не имеют ничего общего с содержанием понятия индивидуальности и нравственности. Акротипы «гуманистической триады» выступают как механизмы и инструменты формирования и воспитания «новой», «идеальной» и «цивилизованной» формы индивида. Это сопутствует становлению чётко детерминированной и жёсткой системы норм и ценностей вышеупомянутой триады, которые в действительности антагонистичны представлениям индивидуальности и морали. Более того, выявлено, что и сам индивид обретает форму «усреднённости» с сопутствующими последствиями – секуляризация его качеств, способностей и функций. Индивидуум становится автоматом, действующим по интегрированным в него алгоритмам, основанным на принципах и нормах «гуманистической триады». В такой машинной системе поведения, отношения, сознания и ценностей он теряет представление о нравственности и индивидуальности, и становится лишь частью механизма мертвых акротипов толерантности, гуманизма и индивидуальности. Цель такой трансформации индивида – создание новой формы самоотождествления «толпы», но в более жёсткой, упраздняющей и детерминированной форме. Этой формой является «механизм», где каждый, полностью лишённый самости, лишь его часть, которая поддерживает его работу.

N.I. Petev
Vladimir

HUMANISM, TOLERANCE AND INDIVIDUALISM AS A FORM OF PUBLIC ACROTYPES: EDUCATION AND THE FORMATION OF MODERN INDIVIDUAL

KEYWORDS: humanism, acrotypes, archetypes, individual secularization, necrophilic tendencies, mechanization of morality, tolerance.

ABSTRACT. This article describes the phenomena of tolerance, humanism and individuality (“the humanistic triad”) as acrotypes modern society. It is revealed that the positioning of these three phenomena in the modern form as archetypal structures is only ephemeral speculation, and they are in fact exactly the acrotypes of the modern social space. Mechanical and necrophilic tendencies of modern forms of tolerance, individualism and humanism, which have nothing to do with the content of the concept of individuality and morality, are revealed. Acrotypes “humanistic triad” act as mechanisms and instruments of formation and education of “new”, “ideal” and “civilized” form of individual. This is accompanied by the establishment of a clearly defined and rigid system of norms and values of the above-mentioned triad, which are in fact antagonistic to the notions of individuality and morality. Moreover, it is revealed that the individual himself takes the form of “averaging” with the accompanying consequences – the secularization of his qualities, abilities and functions. The individual becomes an automaton, acting on integrated algorithms, based on the principles and norms of the “humanistic triad”. In such a machine the system behavior, attitude, consciousness and values, he loses the understanding of morality and individuality, and becomes only part of the mechanism of dead acrotypes of tolerance, humanism and individuality. The purpose of this transformation of the individual is to create a new form of self – identification of the “crowd”, but in a more rigid, abolishing and deterministic form. This form is a “mechanism”, where everyone, completely devoid of selfhood, is only a part of it that supports his work.

В современном мире, в частности в сфере общественного сознания и воспитания, часто фигурируют понятия «индивидуализм», «гуманизм» и «толерантность», как основные элементы внутрен-

¹ **Петев Николай Иванович**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых; 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; e-mail: cyanideemo@mail.ru.

Petev Nikolai Ivanovich, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Religious Studies of the Humanitarian Institute, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russia.

© Петев Н. И., 2019

него содержания цивилизованного индивида, как главные атрибуты современного индивидуума, отличающие его от дикаря или невежды. Однако эти понятия имеют неоднозначный характер, так как при их реализации в объективном мире возникает множество противоречий. Дело в том, что все эти феномены при всех своих позитивных тенденциях обладают гиперболическим и деформированным характером, так как то внутреннее содержание, которое в них заложено при их инициировании, противоречит объективному миру, а иногда и самому человеку, его внутренним природным, духовным, моральным, психологическим элементам внутренней архитектоники. В подобном противостоянии между личностью и гиперболическими формами индивидуализма, гуманизма и толерантности («гуманистическая триада») у современного индивида практически нет шансов на то, чтобы найти способ преодолеть имеющуюся отчуждённость от себя (т. е. обрести те аспекты бытия, которые позволят обрести ему свою самость, самоопределение).

Фромм Э. указывал, что «человек с сильными убеждениями, пренебрегающий противодействием толпы, скорее исключение, чем правило»¹. В действительности, современному человеку приходится выбирать между попыткой обрести самоидентичность² и теми принципами, нормами и ценностями, которые диктует ему гуманистическая триада. Проблема такого выбора заключается в том, что многие дефиниции и формулировки толерантности, индивидуализма и гуманизма ведут к нивелированию личности, девальвации её качеств и способностей, а как итог этих процессов – возникает дисперсия внутренней архитектоники индивидуума.

Стоит отметить, что в современном информационном поле, направленном на формирование и воспитание индивидуума, толерантность и гуманизм преподносятся как безусловные, а иногда и категорические, архетипические элементы природы самого человека. Иными словами, это некие априорные установки (знания), которые изначально заложены в индивидууме. При этом в парадигме общественной жизни они играют категорический характер, как показатель цивилизованности и индивидуальности. К. Г. Юнг отмечал, что путешествие к архаи – это особый процесс погружения в себя, в результате чего обнаруживается некое основание, вокруг которого строится бытие, а также происходит становление и основание экзистенция индивида³. Иными словами, архетипы позволяют индивидууму не просто обратиться к бытию, как некому абстрактному абсолютному феномену, но и найти свои собственные этиологические и телеологические основы, являясь его частью. Архетипы, являясь частью коллективного бессознательного, имеют сильное влияние на развитие личности, становление индивидуальности, в частности таковым является архетип самости⁴. Акротип же всегда массовый, он не способствует личностному развитию, а скорее направлен на спекулятивное воздействие для создания покорности эксплицитной или имплицитной системе.

Обращаясь к внутреннему содержанию понятий толерантности и гуманизма, можно выявить, что они не имеют отношения ни к каким архаическим представлениям, иными словами не имеют никакого архетипического обоснования. Дело в том, что это искусственные понятия, сформированные не в результате какого-то естественного развития человеческих отношений, индивидуального сознания и т. д. Это скорее некие искусственные идеологические системы, созданные в противовес старым представлениям, но одновременно, имеющие элементы этих самых представлений. Например, несмотря на то, что гуманизм включает в себя некоторые аспекты абсолютной морали со своей определённой аксиологической системой, то есть воспринимает личность как высшую ценность, тем не менее, само содержание понятия «личности» постоянно менялось, а в современном мире оно абсолютно абстрактно и эфемерно. Таким образом, «гуманистическая триада» – это не архетипические конструкции⁵, а акротипы, имеющие определённые идеологические цели⁶.

¹ Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 82.

² Стоит отметить, что под самоидентичностью необходимо понимать такое самоопределение, которое предполагает объективное и реальное понимание индивидуальности, имеющее непосредственную связь с объективной реальностью и мотивирующие тенденции развития индивидуума. Это прогресс и перспектива индивида, а не некие регрессивные установки, ведущие к деструктивности личности.

³ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. С. 20-21.

⁴ Исключением может являться архетип персоны (маска).

⁵ В акротипах нет никаких диалектических взаимоотношений, дуалистических начал, тенденций прогресса и регресса, как у архетипов.

⁶ Несомненно, что попытка придать «гуманистической триаде» некие архаические и априорные качества имеет особый утилитарный и спекулятивный характер. Б. Паскаль утверждал, что народ «древность происхождения считает доказательством истинности» [11, с. 185]. Попытка создать тождественность акротипов толерантности, гуманизма и индивидуализма и архетипических установок – попытка воспитания новой формы индивидуальности, перевоспитание индивида, некое ментально-психологическое перепрограммирование, основанное на кон-

Следующее, что стоит отметить, это то, что современные формы гуманизма, толерантности и индивидуализма для индивидуума не имеют вариативности, лишь только инвариации. Таким образом, индивид находится в закрытой системе заданных норм и правил «гуманистической триады», не имея возможности выйти за её границы. Он становится пассивным, т. е. способным лишь принимать страдание (влияние), но сам лишается акторской функции. От него зависит лишь то, какой инвариант он выберет как мотивирующий и основополагающий для своей деятельности. Ф. Ницше указывал, что «плодовитым бывает только то, что богато контрастами»¹. Несомненно, что вариативность позволяет индивиду иметь расширенный диапазон решений, выводов и актов одновременно, тем самым, увеличивая вероятность девиантного и негативного вектора поведения². Это возможно при отсутствии у индивида такой установки как ответственность за своё поведение. Однако, при отрицании вариативности, тем самым, по необходимости, отрицается свобода воли и выбора, что непосредственно приводит к девальвации необходимости индивидуальности и самоидентичности.

В рамках формирования современного индивида под влиянием «гуманистической триады», понятие человека и его индивидуальности становится чем-то совершенно абстрактными, не имеющим какого-то конкретного содержания. Становление современного индивида происходит под взаимным влиянием двух тенденций: единообразие и «механизация» личности. Единообразие – это своеобразный инструмент, которым общество пользуется для своего эффективного функционирования, упорядочивания внутреннего устройства, а также для контроля процессов, происходящих внутри него. Например, у древних инков Месоамерики практиковалась особая операция по деформации черепа, целью которой было навязать с рождения печать коллективизма, сделать индивидов более законопослушными, практически вплоть до рабского подчинения³. Отметим, что многие авторы говорят о стремлении многих индивидов к подчинению. Например, Аристотель отмечал, что «во многих отношениях природа людей рабская»⁴. Э. Фромм указывал, что индивид может выполнять приказы даже деструктивного и разрушительного характера не по тому, что ему это нравится, а потому что они хотят подчиняться⁵. Иными словами, для многих индивидов оптимальным является такая парадигма их действий, которая исключает их собственное волеизъявление⁶.

Единообразие – это редуцирующий процесс, упрощающий индивида до установленного необходимого абстрактного прототипа. Любая индивидуальность есть лишь репликация одного установленного «идеала», направленная на дисперсию личностных качеств, способностей и особенностей индивидуума. Дело в том, что как и в любой системе, стремящейся контролировать индивида и создать безличную аморфную общность, любое проявление чего-либо, что не подведено под общий знаменатель, является рудиментом. Ницше Ф. отмечал, что «индивидуум – это род фатума, спереди и сзади, новые законы и новая необходимость для всего, что наступит и будет»⁷. Индивидуальностью становится нечто определённое, установленное, привнесённое извне, а не то, что действительно свойственно внутренней архитектоники индивида. Любая концепция абсолютного единства предполагает единообразие, то есть нивелирование любого индивидуализма (если не рассматривать данный вопрос в рамках идеализма, а предположить практическое применение данной концепции). Современный индивид является «усреднённой личностью», где индивидуальность сведена к определённому набору воззрений, отношений, ценностей, и основанным на них поведении. Как правило, этот набор регламентирован стереотипными стереотипами и акротипами, цель которых манипулирование массами и сохранение внутреннего гомеостаза. Для «гуманистической триады» больше всего неприемлемы феномены истинного индивидуализма, терпимости и человеческого отношения, так как именно они меньше всего ведут к

цепции некой внутренней предрасположенности человека. Однако, такая корректировка индивида искусственна, не только несёт в себе множество негативных тенденций для индивида, но и противоречит самой сущности понятия индивидуальности личности и природе человека.

¹ Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. С. 38.

² Например, многообразие существ и их плодовитость может мыслиться не как что-то позитивное, а наоборот, так как между ними возникает противоречие, вражда и отсутствует счастье [15, с. 133].

³ Боден Л. Инки. Быт. Культура. Религия. М.: Центрполиграф, 2004. С. 167-168.

⁴ Аристотель. Метафизика. М.: Издательство «Э», 2016. С. 11.

⁵ Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 84.

⁶ Особенно это связано с делами социального характера. Т. Гоббс указывал, что люди в высшей степени тягостятся общественными делами [7, с. 83]. К сожалению, современный индивидуум чаще прибегает к обсуждению проблемы, маскируя его под решение, чем действительно пытается найти пути решения и реализации действий, способных ликвидировать сложившуюся кризисную ситуацию. Громкие речи становятся экзистенциальным алиби индивида.

⁷ Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. С. 41.

«усреднению» человека. Тем более, очень опасным для неё является то, что выбивается из общего ряда сформированных гносеологических, идеологических и поведенческих парадигм, ибо они способны развеять миф о необходимости воспитания и формирования «нового человека»¹.

Наряду с однообразием в современном индивиде наблюдается механизация его экзистенции (мысли, поступки, отношение и т. д.). Бергсон А. занимался проблемой косности и механизации в парадигме комического. Он указывал, что строгая согласованность на глазах превращает гибкие формы в нечто твёрдое и механическое; любое повторение (копия) вызывает подозрение, что за живым стоит нечто механическое². Некий автоматизм всегда маскируется под некое правдоподобие жизненности. Вышесказанное о стремлении «гуманистической триады» создать «усреднённого человека», то есть реплики одного идеала, указывает на механический характер формирования и воспитания современного человека. Это гуманистическая машина, которая не имеет представления ни о чём человеческом, не связанная с парадигмой жизненности, роста и развития. Единственный процесс, который инициируется при таком воспитании и формировании личности – укрепление и усиление косности. Эту задачу выполняют современные акротипы толерантности, гуманизма и индивидуальности.

Бергсон А. отмечал, что сочетание (смещение) живого и механического «заставляет нас уклониться в сторону более неопределённого образа какой-нибудь косности, облекающей подвижность жизни, неловко пытающейся воспроизводить все ее очертания и подражать ее гибкости»³. Более того, фантазия способна к инициированию таких метаморфоз, при которых механизм вещественный превращается в механизм духовный⁴. Иными словами, «гуманистическая триада» это не просто некий внешний фактор, влияющий на позиционирование и поведение⁵, а некий спекулятивный инструмент, прагматическая идеология, которая создаёт нравственный и личностный автомат. Он не имеет ничего общего с этими понятиями, так как не оперирует к ним, как к необходимой инстанции. Его удовлетворяет тот алгоритм мыслей, отношений и поведения, который в него заложили (путём воспитания, образования, в процессе общения и т. д.)⁶.

Можно задаться вопросом, а что плохого в том, что толерантность, индивидуализм и гуманизм будут иметь своеобразную механическую рефлексию? В действительности, сложно представить, чтобы мораль и индивидуализм имели какой-либо естественный автоматизм, который позволял бы им делать определённые выводы, суждения и поступки, а также формировать личность. Однако, создать такой искусственный автоматизм можно, достаточно поставить индивидуума в положение абсолютного детерминизма, путём внедрения одной лишь системы норм и принципов в рамках необходимой парадигмы, как правило, исключающей нравственность и индивидуализм.

Автоматизм, косность, механичность являются антагонистичными индивидуальности, нравственности и даже жизни, так как первые деформируют внутреннее содержание последних, а иногда могут его полностью уничтожить, заменяя совершенно иным или противоположным. Р. Барт, рассматривая мифологический образ механического, в том числе мышления, указывал, что через идею машинности (механического) подчёркивается вредоносность (ибо машина в своей абстрактности доходит до садизма), безжизненное переусложнение, бесплотное хитроумие, злокачественное самоумножение⁷. Более того, машинность может символизировать систему, которую возводят автоматические (механические) персоналии, а затем сами же ей и повинуются как «мертвецы»⁸. Выше было отмечено определённое раболепие, связанное с единообразием: для механизма нужны конкретные, точно отшлифованные детали для поддержания своего функционирования. Ему неважно насколько осо-

¹ Особую опасность представляют яркие, самодостаточные и волевые личности. Например, Ф. Ницше указывал, что появление особых сильных людей (гениев), хоть и вызвано неким внутренним позывом общества и времени, но, тем не менее, как правило, это же общество их и отрицает, и лишь немногие способны его изменить [10, с. 106-108].

² Бергсон А. Смех. М.: Издательство «Искусство», 1992. С. 29. URL: http://krotov.info/library/02_b/ergson_smech.htm (дата обращения: 10.02.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ И. А. Ильин указывал, что «внешний обряд доброты не делает человека добрым, он остаётся морально мёртвым фарисеем, поваплённым гробом» [8, с. 45]. Таким образом, внешнее проявление какой-либо добродетели, чувства, отношения ещё не указывает на то, что они действительно существуют и испытываемы индивидом. Это может быть следствием мимесиса, то есть способ мимикрии, приспособление к внешним условиям.

⁶ Акротипы в таком случае выступают эффективными инструментами и механизмами воспитания и становления «нового» индивида, на основе ценностей, норм и положений «гуманистической триады».

⁷ Барт Р. Мифология. М.: Академический проект, 2014. С. 257.

⁸ Там же.

бенна эта деталь, какую полезность она может принести механизму при возможности применения (небольшого изменения системы), если она не полезна для общего функционирования то это брак, рудимент. Его не интересует энтелехиальная возможность, лишь прагматическое употребление в настоящее время для имеющейся системы.

Отметим, что если Р. Барт отмечал в механическом садистские тенденции, то Э. Фромм видел в нём ещё большую опасность – некрофилические тенденции (то есть стремление к неживому, сделать живое неживым и т. д.). Он указывал, что страсть к техническим приспособлениям заменяет (вытесняет) подлинный интерес к жизни и необходимость человека использовать свои способности и функции¹. Более того, мир живой превращается в неживой, люди становятся «нелюдями», и готовы принести в жертву «прогрессу» всё живое². Это специфическое идолопоклонничество механическому свойственно всем индивидам современного индустриального общества. Его проникновение в сферу индивидуальности и нравственности – это следствие общего упадка человека и человечества. За живыми лозунгами, призывами и идеями толерантности, индивидуализма и гуманизма скрывается «мёртвая» искусственная рефлексия определённой поведенческой парадигмы. Современный цивилизованный человек – это репликант идеального носителя «гуманистической парадигмы», которому чужды и отвратительны понятия морали, индивидуальности и терпимости.

Понятие индивидуальности, гуманизма и толерантности преисполнено чувством ресентимента. Дело в том, что это не просто ненависть и неприязнь к морали и индивидуальности. В первую очередь это симптом ненависти к самому себе, к тому, что человек не может реализовать нормы и правила морали, а также найти в себе волевые силы для формирования индивидуализма. Мораль и индивидуальность становятся чем-то, что интерпретируется как нечто антагонистичное, некий имманентный враг, который виновен в том дисперсном и деструктивном положении, которое имеет индивид. Такое положение вещей инициирует неприятие положений нравственности и индивидуальности, «крестовый поход» против ценностей, которые они в себе содержат. Которые так желанны индивидам, он испытывает чувство зависти, но одновременно и отрицаемы ими. В данной ситуации необходимо создать нечто, что станет противовесом морали и индивидуальности. Такой доминантой становится «гуманистическая триада», которая выражается в отсутствии любой человечности, в синдроме вырождения жизни, в некрофилических тенденциях для становления механического индивидуально и морального аппарата.

Отметим, что для индивида «гуманистической триады» характерно отрицание свободы воли и ответственности, ведь любая механичность и автомат предполагают отсутствие свободы и ответственности³, т. е. действие в соответствии с интериоризированными, интегрированными установками, которые в последующем становятся частью внутреннего содержания индивида⁴. В действительности, современный человек очень склонен к тому, что создаёт комфорт и удобство, как строгое упорядочивание. М. М. Бахтин указывал, что человек чувствует себя более богато, ясно и уверенно где его нет, и неуверенно, скудно и неясно, где он имеет с собою дело, где он центр исхождения поступка, в действительной единственной жизни⁵. Иными словами, человеку комфортнее в той области, которая исключает какую-либо форму ответственности и единственности решения и поступка индивида. Барт Р. указывал на смертоносную силу конформизма, а также на тот факт, что порядок может избавить от всяческих прогрессивных побуждений⁶. Таким образом, заплатить такую цену как ответственность, а значит и свободу воли, ради конформизма и порядка является оптимальным решением современного сторонника «гуманистической триады» для становления механического и автоматического индивида. Эта идея отказа от ответственности и свободы воли имманентно присутствует в современных акро-типах гуманизма, толерантности и индивидуальности.

¹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ, 2016. С. 445.

² Там же.

³ Н. О. Лосский указывал, что если отсутствует свобода воли, то человек превращается в автомат, и все его действия были бы следствием бытия сущности [9, с. 59]. Иными словами, человек бы превратился в биологический механизм, целью которого было бы выполнение и удовлетворение естественных потребностей. Однако, если существует возможность заменить свободу воли суррогатом, иллюзией выбора, неким своеобразным «гуманистическим» набором, которые будут сдерживать как естественные позывы (например самосохранение), так и рациональные (воля и ответственность), то можно добиться формирования своеобразного гуманистического, индивидуалистического автомата (механизма).

⁴ Б. Паскаль указывал, что «любое чувство может превратиться как бы во врожденное, любое врожденное чувство может изгладиться» [11, с. 74].

⁵ Бахтин М. М. *Собрание сочинений в 6-ти томах*. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 23.

⁶ Там же. С. 108.

Отметим, что невозможно добиться эффективного и адекватного процесса институализации морали, то есть возведение её принципов в некие механические рефлексии. М. М. Бахтин указывал, что «ни одно теоретическое положение не может непосредственно обосновать поступка, даже поступка-мысли, в его действительной совершаемости»¹. Иными словами, невозможно чётко и строго теоретически регламентировать систему нравственных норм и требований, которые смогли бы охватить весь диапазон поступков и отношений, с возможностью равноценных санкций, наград и легитимности. Дело в том, что мораль (отношение, сознание, поведение и ценности) имеет больше практический характер, так как она имеет дело с реальными феноменами бытия (поступки, акты и т. д.). Поэтому редуцировать нравственность к сухим нормам (законам юстиции) – это значит осознанно подвергнуть её секуляризации. Таким образом, такие акротипы как толерантность, гуманизм и индивидуализм – это попытки создать псевдоморальную, механическую и мертвую мораль, которая не будет выполнять главную функцию, т. е. помогать человеку установить адекватную, рациональную и конструктивную систему ценностей, отношений и поведения, отвечая на многие этические вопросы.

Нравственная реализация индивида в бытие требует от него ответственности и свободы воли, а это предполагает апперцепцию (осознанное восприятие) и рациональный анализ индивидом событий и феноменов мироздания, в частности и для формирования нравственности и индивидуальности. Механическая нравственная и индивидуалистическая рефлексия представляет собой отказ от осознанности и рационального суждения. Невозможно добиться абсолютной рефлексии в сфере нравственности и индивидуальности, не жертвуя при этом всем тем, что делает человека моральным и единственным.

Индивидуум не может быть абсолютно толерантным, ведь толерантность предполагает снижение и полное отсутствие реакции на что-либо (лекарство, болезни и т. д.). Б. Паскаль указывал, что «наши чувства не воспринимают ничего чрезмерного»². Хотя индивид и не воспринимает чрезмерность, но он от неё страдает. Он не может и не должен принимать и воспринимать абсолютно всё, не прибегая к критическому анализу и нравственному осмыслению, сопровождаемым ответственностью и свободой воли, для фильтрации получаемой информации и последующих суждений. Человеку свойственно выбирать. Спиноза Б. указывал, что человеку свойственно представлять то, что способствует его сохранению и его деятельности, и отрицать (исключать) то, что задерживает их³. Таким образом, можно сказать, что человек, опирающийся на свой разум, не может принимать то, что ведёт к его собственному разложению, деэволюции, регрессу и т. д. Такое возможно только в случае онтологического алиби, когда отсутствует свобода воли и ответственность, а человек – это лишь механизм, не обладающий индивидуальностью.

Абсолютная толерантность является симптомом некоего искусственно интегрированного нарциссизма, тщеславия и гордыни. Во-первых, это явно указывает на тот факт, что толерантный индивид как бы выше остальных в нравственном, духовном и иных аспектах, поэтому игнорирует⁴ нечто, что не соответствует ему. Во-вторых, пресекается свобода воли того, на кого направлено данное чувство, так как в таком случае он лишается права выбора, ведь существует возможность, что такое отношение ему вовсе и не нужно. Тем самым, мы также указываем на то, что объект толерантности стоит ниже, чем тот, кто её испытывает.

Современная форма гуманизма в своей механической тенденции, утверждает антигуманистические тенденции. Автоматизация гуманистического отношения приводит к тому, что отсутствует само понимание гуманности, ценности человека. Гуманизм претерпел практически идентичные метаморфозы, что и нравственность. Ф. Ницше отмечал, что «все средства, с помощью которых человечество должно было сделаться нравственным, были совершенно безнравственными»⁵. Несомненно, что было бы неверным полностью отвергать гуманизм, рассматривая его как некую спекулятивную систему, старающуюся создать человека-автомата. Однако современная его форма именно такая. Н. А. Бердяев указывал, что «все мечты идеалистов о лучшем обществе кончались преступлениями»⁶. Явными симптомами кризиса гуманизма являются радикальные формы трансгуманизма и сциентизма, основанные на обожествлении технических достижений, имманентно или открыто вступая в борьбу с жизнью, приро-

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 25.

² Паскаль Б. Мысли. М.: Астрель, 2009. С. 49.

³ Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2001. С. 135-136.

⁴ М. М. Бахтин отмечал, что «равнодушная или неприязненная реакция есть всегда обедняющая и разлагающая предмет реакция» [3, с. 59]. Таким образом, можно предположить, что за внешним нейтралитетом лежит имплицитная, имманентная идея или желание разложения того, к чему испытывается чувство толерантности.

⁵ Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. С. 59.

⁶ Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. С. 79. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (дата обращения: 10.02.2019).

дой и самим человеком. В данном случае происходит девальвация естественного, и возникает необходимость замены на механическое – более идеально функционирующее, мультизадачное, системное, но мёртвое. Механическое в человеке – это отсутствие свободы воли и ответственности, что в свою очередь исключает нравственность, а это приводит к уничтожению гуманизма как такового.

Подводя итоги, стоит отметить следующее. Если в прошлые моменты истории человечества индивидуальность (самоотождествление) интерпретировалась как причастность к стаду, как это отмечает Э. Фромм¹ (иными словами быть как все, ничем не отличаться, нивелировать любые индивидуальности в соответствии с требованием масс), то в современном мире возникает тенденция ещё более грубой секуляризации индивидуальности – превращение в безжизненный механизм. Воспитание такого нового индивида необходимо для более эффективного функционирования искусственной системы, в которой существуют индивиды, а также для обеспечения комфорта тем, кто её иницирует. Современные формы гуманизма, толерантности и индивидуализма – это акротипы, имеющие целью формирование и воспитание «нового индивида», которому будут интегрированы регламентированные механические установки (сознания, отношения, поведения и ценностей), но не будут доступны индивидуальность и нравственность, с их акторским диапазоном.

Источники и литература:

- Аристотель. Метафизика. М.: Издательство «Э», 2016. 448 с.
- Барт Р. Мифология. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. 958 с.
- Бергсон А. Смех. М.: Издательство «Искусство», 1992. URL: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_sneh.htm, свободный (дата обращения: 10.02.2019).
- Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1947_043_00.html (дата обращения: 10.02.2019).
- Боден Л. Инки. Быт. Культура. Религия. М.: Центрполиграф, 2004. 255 с.
- Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ, 2001. 304 с.
- Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 5. 608 с.
- Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
- Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
- Паскаль Б. Мысли. М.: Астрель, 2009. 253 с.
- Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2001. 336 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 624 с.
- Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 82-97
- Юм Д. Диалоги о Естественной Религии. М.: Профит Стайл, 2007. 192 с.
- Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. 384 с.

¹ Фромм Э. Синдром распада // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 96.